
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Корнилов
(г. Братск Иркутской обл.)

PERSONALIA

«БЕРЕГ ДЕТСТВА»

Корнилов Владимир Васильевич — православный русский поэт. Родился 10 января 1947 г. в селе Октябрьское Челябинской области. С 1967 по 1969 гг. служил в рядах Советской Армии. В Сибири живет с 1972 года... В 1987 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1994 г. и по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества. Постоянный автор журнала «Приокские зори».

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
...И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог.
...В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Светлой памяти мамы

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деяне меня..
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова,—
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй, вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На деяну родить понесло?!»
Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез...
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!»

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В словах учительницы гнев
И боль, и гордость затаенная.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокоренная...

А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами...
Но Русь по-прежнему стоит,—
В озера смотрится березами.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны веселым звонарем
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарей,
Наполнить вешней музыкой сегодня.
...Я нынче встал еще до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелетной стаей.
И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.
...А я подумал: «Скоро сеять хлеб.
В такую пору нелегко крестьянам...»

* * *

Я деревню из детства
Через годы пронес.
Мне достались в наследство
Просо вызревших звезд,
Баня черная, веник,
Горечь листьев берез
И клубника без денег,
А не рубль за горсть.
...Детство то, озорное,
Как мираж, далеко.
Там дымится парное
По утрам молоко.
Там босые дороги
Под мычанье и гул
За лесные отроги
Убегают в июль.

УСТЬ-КОДА

Как столетья назад,
Здесь все избы покрыты тесом.
И у женщин в глазах —
Та же синь, отраженная плесом.
...На задворках судьбы,
В этом тихом таежном местечке,—
Незатейливый быт
С телевизором... с баней у речки...
От столиц вдалеке
И от их суматошного грома.
С миром связь по Оке —
Да и то лишь паромом.

...Сыновья-города
Пусть деревню за это не судят.
Усть-Кода, Усть-Кода! —
Островок человеческих судеб.

СЕНОСТАВ

Здравствуй, лето мое Падунское! —
Смех и песни под щебет птах —
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.
Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокос.
Косари, как ватага Стенькина,—
В этом буйном разгуле трав...
Небо светится синим доньшком,
Распогодилось — знай, коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокос Руси.

В СТРАДУ

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода.
...И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнет пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрежут,
Что мужики ушли до петухов...
А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...
А мужики поглощены работой,
Но жен своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.
...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жен уже повеселей.
Иной косец щипнет свою шутиливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»
И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.
В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена.
...Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохнет прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки...
И мужики, уж затемно шагая

Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрему иван-чая,
Да на руках уснувших сорванцов.

ЛЕСЯ

Задремало село в ночи.
День в заботах померк давно.
Даже в клубе гармонь молчит:
Нынче Федор устал, должно...
Из седла не окинешь степь.
Хуторок тот и впрямь пропал.
Он всего-то на восемь стен
И польню насквозь пропах.
Тридцать верст до него езды.
Мнут копыта седой ковыль.
Следом луч от степной звезды
Серебрит голубую пыль.
...Вот мигнул огонек в степи,
Свет в окошках всю ночь не мерк.
Это Леся моя не спит —
Обещал: «Прискачу в четверг...»

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звезды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым прясом
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрет...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озерах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенется, взлетит на крышу
И — растянет свою гармонь.

ГОРОЖАНКИ

В дни страды на празднике земном,—
Свято чтя его обычай древний,—
На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне.
Не привычен им крестьянский труд.
Тяжелы шершавые лопаты.
Только от мозолей не режут —
Уж такие русские девчата...

Соберутся в клубе вечерком.
День в степи погаснет за стогами.
Выйдет в пляс иная с пареньком,—
Брызнет дробь под звонким каблуком,
Дрогнут половицы под ногами...
Сколько страсти в танце озорном?!
На Руси танцуют так издревле.
...На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне.

В АВГУСТЕ

Какое согласие в Природе —
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.
...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг...
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растеньем,—
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист...
И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река...
Барышня, нам не до осени:
Мы вас не ждали пока.
Что же вы лету перечите,—
Если еще зелены
Сопки на всем междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей...
Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных вьюг.
Ими еще не налетаны
Первые стежки на юг.
Это приснился Вам давнишний

В золоте весь оком...
Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

В СЕНТЯБРЕ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день
С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября,
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя,—
Свой восторг дарил я небесам.
...Храм осенний светел и велик —
Благодатью Вышней сотворен.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церковей
В ярко-желтом пламени берез —
Это образ Родины моей —
Дорог мне и памятен до слез.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Грусть вселенская разлита,
В душу въелась тишиной.
Сеет в маленькое сито
Серый морок ледяной...
Неуютно, зябко, сыро
После теплых летних дней.
Прохудилась крыша мира —
Заненастило под ней...
Выткан день из ткани ветхой,
Незаштопанной давно...
Осень яблоневою веткой
Грустно тенькает в окно.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Душа томилась у меня,
Рвалась наружу:
Ей скучны скорбный морок дня,
Седые лужи.
...Как будто кто-то на Руси
Вдруг умер тихо.
Все утро дождик моросил —
Без передыха...
На небе сером, как зола,
Померкли краски...
Душа же с трепетом ждала
Осенней сказки.

Валерий Савостьянов
(г.Тула)

РОЩА ПАМЯТИ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

РОЩА ПАМЯТИ

*В Польше сносят памятники
Великой отечественной войны.
Информация из СМИ*

На вопрос мальчишки, совсем простой,
Непростой ответ у фронтовика:
«Почему рукав пиджака пустой?» —
«Потому что в Польше рука!»

И мальчишка замер, изумлен:
«Деда, расскажи про бои!» —

«Там погиб гвардейский батальон,
Боевые братья мои!

Там, под переправу через Буг,
Кровью пропиталась земля!
Там лежат герои —
И столько рук!!!
Вот бы их сложить в тополя —
Чтобы встала роща над рекой,
Там, где берег бомбами взрыт!

В ней —
Друзьям, навеки нашедшим покой,
Соловьи бы пели навзрыд,
В ней —
Цвели б медалями на сукне
Кителей
Тюльпаны ее полян,
В ней —

Сажали б саженцы по весне
Внуки ветеранов спасенных стран...

Не разрушить варварам, не снести б
Эту Рощу Памяти, что на века,
Где зеленой веточкой
Зашелестит
Правая моя рука...»

ПРАГА И ДРЕЗДЕН

Справка: в стихотворении упоминается фамилия Конев. Маршал И. С. Конев — это главнокомандующий 1-м Украинским фронтом, бравшим Прагу в мае 1945 года. Остальные фамилии — великих художников: они общеизвестны. Кроме, пожалуй, одной: Муха — это фамилия выдающегося чешского художника.

Я был в них недолго, почти что проездом.
Невольно я сравнивал Прагу и Дрезден,
Порой столбенея от недоуменья,
Что нету, увы, никакого сравненья!

Да, Дрезден хорош: в нем Собор, Галерея —
Но все-таки сколько же в нем новодела!
А древняя Прага казалась мудрее:
Глазами веков прямо в душу глядела!

Я в Прагу влюбился — скажу без утайки!
И то, что спасли ее русские танки
И русские «Иль» ее не бомбили,
Лишь веские плюсы в любви этой были!

Представьте же: май, купола, базилики —
И павших солдат светоносные лики,
Такие, что впору писать на иконах!
Одну я назвал бы «Святые и Конев»...

А Дрезден? Про это вы знаете сами —
А Дрезден в руинах, сожжен небесами:
Союзное войско, пехоту жалея,
Сожгло, разбомбило его Галерею.

И тысячи жителей мирных сгорели —
А с ними Веласкесы и Рафаэли.
И тысячи беженцев, чаще невинных —
И сам Леонардо? — погибли в руинах.

И тысячи пали от бомб равнодушных —
Конечно, врагов, — но, считай, безоружных,
Желающих плена, как манны небесной.
А вдруг среди них Тициан неизвестный?

А вдруг среди тех, что решили сдаваться,
Ван Дейк, Веронезе, Ватто, Караваджо?
Но в плен их не взяли — теперь «на иконах»
В аду они пишут «крылатых драконов»!

А летчик, сгубивший Сандро Боттичелли,
Черней всех чертей там
И дьявольской черни! —

Любой его хает, и всяк его судит,
Что прежнего Дрездена больше не будет,
И в нем не бывать — в силу высших законов —
Иконы, подобной «Святые и Конев»...

Из мертвых колодцев — воды не напиться:
Дай Чехия Дрездену иконописцев,
Дай Прага Германии нового Муху —
Утешить, утишить немецкую муку!

Поскольку иконы, вы знаете сами,
Не пишутся горем одним и слезами,
Не пишутся душ, даже быта уродством —
А пишутся мудростью и благородством,

А пишутся мужеством, великодушьем,
И верой! И братством — славянским оружием —
Как в Праге в конце боевого похода
Победной весной 45-го года...

МОРАВСКО-ОСТРАВСКИЙ ОРЕШЕК

Верю я, что общую Победу
Чтить наш общий мир не перестал!
И на Праздник в Чехию поеду:
В личный тур — по дедовским местам.

Посещу Моравию, Судеты,
Одру и Карпатский перевал —
Передам поклоны и приветы
Тем краям, где дед мой воевал.

Здесь, в горах, я думаю, пореже
Спеть гремит в победный барабан —
Здесь Моравско-Остравский орешек:
Долго нам он был не по зубам.

Спросят: «Что ты вспомнил это? Кто ты?» —
Тот я, в чьем роду фронтовики,
Знающий, как остравские доты
Здесь косили русские полки.

И не свитки сталинских приказов
Положить хочу я на весы,
А дороги дедовских рассказов,
Вздохов, умолчаний и слезы.

Наших мертвых не вернуть обратно:
Что им наша спесь и наша лесть?
У весны победной — были пятна!
Что же? — И на солнце пятна есть!..

И когда помянем и отплачем,
То, последний выплеснув елей,
Поблагодарим и неудачи —
Завтрашних побед учителей.

И не попеняем генералам,
Чтя их путь и нимбы их седин, —
Хоть порой, увы, не гениальным! —
Все же дед вернулся — невредим...

ПРАЖСКИЙ ХЛЕБ

Не знаю, для чего мне продиктован
Такой сюжет — уж слишком он нелеп
Тем, что так прост —
Как в Праге в продуктивном
Я покупал обычный пражский хлеб.

Добавить нужно, что, дешевый самый,
Так вкусен был он, что по вечерам
Мой поздний ужин: с ним, с домашним салом
И с крепким чаем — равен был пирам!

Вы спросите: а что же в рестораны
Ходил я редко? Кроны, что ль, берег?
Все просто: реагировали странно
Там иногда на русский говорок.

И навсегда запомнилось, как жарко
Сказала что-то в сторону мою
Официантка, старая пражанка,
На просьбу лишь расшифровать меню...

Но пан седой —
У Свободы солдатом

Он воевал —
Был вежливым со мной:
«Прости: они забыли сорок пятый,
А только помнят шестьдесят восьмой...»

Да ладно, брат: плевать мне на интриги,
Коль по сердцу мне Праги купола
И хлеб ее, похожий на ковриги,
Какие в детстве бабушка пекла!

Есть чай пока и даже сала малость —
Все остальное, право, «се ля ви»...
И долго-долго мне не засыпалось,
И я писал о Праге и любви.

В САЛАСПИЛСЕ

Во время оккупации Латвии в фашистском концлагере Саласпилс у советских детей насильственно брали кровь. Ребенку, ослабевшему и не способному ее давать, чтобы не прерывался зловеющий, но остродефицитный конвейер крови,— под видом каши предлагали ложку отравы...

Из объяснений экскурсовода

...И прозрачны, трепетны и тонки,
Как весной картофеля ростки,
Забелели детские ручонки,
Детские возникли хохолки.

Закричали рты,— и в каждом слове,
В шелесте срывающихся фраз
Слышалось:
«Верните кровь нам. Крови,
Той, что доктор выкачал из нас!..»

Доктор, и заботливый, и ловкий,
За троих работать успевал:
Шприц вонзая, гладил по головке,
Слабым — кашу ложечкой давал.

Шли в барак отведавшие кашки,
И потом на глиняном полу
Янисы, Володьки и Наташки —
Умирали, скорчившись в углу.

И опять, огромны и бездонны,
В лагерь приходя порожняком,

Отъезжали, булькая, бидоны
С кровью детской, будто с молоком.

Спецкорабль отчаливал от пирса,
Самолет груженный вылетал...
Детские могилы Саласпилса,
Сколько вас? Никто не сосчитал.

Встану молча —
Будто к изголовью,
Чувствуя с жестокой простотой:
Кровь детей —
Не смоешь даже кровью,
Даже карой, страшной и святой!

* * *

Там, под Бежецком, живет
Одинокая береза —
Тетя Тоня, счетовод
Прежде славного колхоза.

Все сосчитаны года —
Их четырежды по двадцать.
И не хочет никуда
Тетя Тоня перебраться.

У нее ведь огород
И родные на погосте,
У нее два раза в год
Из Москвы бывают гости.

Не спеши же, ангелок,
В добрый дом ее явиться,
Где на фото, словно Бог,
Мальчик с ромбами в петлицах...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рожден во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит как о суровых,
Где правил злобный вурдалак.
Не знаю: врут иль было так —
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Сережка в очередь встает,
А мы, пока он достоится —
За стол!
И солюшки шепотъ
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В стране пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает все и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной, —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

Людмила Козлова
(г. Бийск)

Автор более 30 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге и за границей (Канада, Онтарио, Виннипег). Лауреат многих краевых литературных премий, в том числе им. В. М. Шукшина, лауреат Международной литературной премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии Алтайского края в области литературы. Стихи и проза публиковались в центральной, региональной и местной печати и в Зарубежье (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга... года» — 2014 и 2017 (Германия, Берлин-Франкфурт). Победитель Краевого издательского губернаторского конкурса — 2009 и 2015 г. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

СВЕРЧОК

Сверчок на скрипочке сверчит,
и пусть себе сверчит!
Светло, серебряно в ночи
от скрипочки ночной.
Льняной волною лунный свет качает небосвод,
Роня звезды в глубину качающихся вод.
Сверчок сверчит который год, и где-то за окном
Река-молчальница идет, исполненная сном.
Куда она идет, река?
Туда, где у костра
Звезды Полярной*
Ждет сестра
по имени Катунь,
Туда, где встретиться пора!
Сверчок на скрипочке сверчит —
Июнь, июнь,
Июнь...

* Реки Бия и Катунь текут с юга на север — на Полярную Звезду, и сливаются, образуя Обь.

И горький дым, и злые привиденья.
Хранят растенья
След от волчьих стай,
Но не найти уже тропинки в осень!
И кто-то шепчет,
Жалобно так просит:
— Мой добрый Ангел,
Мне
Меня
Отдай!

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Что-то забытое-непо забытое где-то внутри болит.
Дворник скребет лопатой, а снег все валит, валит,
Не оставляя надежды, призрачного следа.
Что-то не так, наверное, товарищи-господа.
Что-то не так, ребята. Мир изнутри болит.
Холодно. Безнадежно.
А снег все валит, валит!

Элина Рудая
(г. Симферополь, Республика Крым)

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Печаталась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г).

СЕВАСТОПОЛЬ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

В солнечных бликах манящее море,
Парусник чей-то белеет вдали...
Я устремляюсь по водным просторам
В прошлое этой сакральной земли.

Май величав! Он для города, флота
Месяц рожденья и славных побед!
В русскую летопись вписан без срока
Наш Севастополь, как белый корвет.

В светлые ризы однажды одетый —
Крест осененный застыл в небесах —
Город, приняв православья обеты,
Встал на защиту России в веках.

В плеске волны и в мелодии вальса
Слышится времени полный разбег...
Чтоб не случилось, без признака фальши,
Город у моря — страны оберег!

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Листаю старые страницы
Я пожелтевших «уголков»,
И между строк — родные лица
В войне оставшихся дедов.

Все также молоды, красивы,
Как будто не было тех лет,

Когда страна из тьмы руинной
Зажгла Победный яркий свет.

Они опять в строю, как прежде.
Сердца их греет огонек,
И впереди любовь, надежда,
Что жизнь отмерит нужный срок.

Что все вернутся, дай лишь время,
С чужих далеких берегов,
Их принесет лихое стремя
Летящих белых скакунов.

Вновь в облаках летает «рама»,
И фриц ползучий начеку —
«Я жив, здоров, не бойся, мама!..
Попить бы с вами мне чайку».
Нет! Не вернулись, как хотелось...
А нам завещано одно —
Их помнить всех, чья песнь не спелась,
И пить полынное вино.

ОПОЛЧЕНЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Где-то звонко играла гармошка,
Вишня в пенном кружилась цвету,
Май от фронта расправил дорожку —
Наш солдат отмерял в ней версту.
В сорок пятом из ратного боя,
До рейхстага коснувшись рукой,
Забывая о ранах и боли,
Возвращался с победой домой...

Нет, не верилось, что в двадцать первом
Веке снова оглушит война,
Полоснет по натянутым нервам,
И зацепит осколком она.
Что разделит страну безвозвратно
Куликового поля Хатынь,
Под прицельным огнем автомата
Кровью вскормлена будет польнь.

Вновь рядами встает ополчение,
Память дедов диктует приказ —
Из семнадцати прошлых мгновений
Соткан ген, поселившийся в нас.

Александр Конопля
(Украина, Харьковская область, поселок Буды)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Окончил физико-технический факультет Харьковского государственного политехнического университета. Работает инженером-конструктором в ПАО «Турбоатом». Публиковался в литературных журналах Украины, России, Беларуси. Автор шести поэтических сборников. Лауреат литературных премий имени Владимира Сосюры и Михаила Матусовского. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина», а также Международного клуба православных литераторов «Омилия».

* * *

Милая женщина шла по дороге.
Встретила в парке знакомом весну.
И позабыла печаль и тревоги.
День сероглазый лучами блеснул.

Следом ручей беспризорным котенком
Тихо бежал по асфальтной тропе.
Ели стояли в зеленых дубленках.
Хор воробьиный восторженно пел.

Милая женщина шла, улыбаясь.
Нежно касался волос ветерок.
Мир оживал, будто снова рождаясь,
И отцветал потускневший снежок.

* * *

Солнце светит днем весенним.
Птицы весело поют.
И незримо кто-то сеет
Средь седой травы уют.

Вновь гудят деревьев кроны.
Родничок журчит родной.
На лету слова уронит
Ветер юный, озорной.

И подхватит их земляца,
Встрепенется, оживет.
На пруду вода искрится,
Побеждая серый лед!

* * *

Поселку Буды

Не насмотрюсь, поля родные,
На разноцветье ваших трав,
На ваши линии простые,
На ваш покорный, тихий нрав.

И не наслушаюсь деревьев,
Что тянут руки в небеса.
И знаю, боль мою согреют,
Заставив верить в чудеса.

Не надышусь прозрачной манной,
Что дарит родина моя,
И синью той, что утром ранним
Струится песней соловья!

* * *

Серое утро мне глянуло в душу
Серым киоском, аптекою серой.
Ветер куда-то бежал непослушный
Серыми крышами, брошенным сеном.

Серые капли в плену притяженья
Падали тихо на серую землю.
Серый автобус стрелой движенья
Мчал, опозданий в пути не приемля.

Серые ветки, глотнув вдохновенья,
Чуть колыхались у серых окошек.
И, восхищаясь весенним броженьем,
Чья-то мурлыкала серая кошка.

* * *

Расцелую весну, расцелую.
Дымный воздух мне слаще, чем мед.
Теплый ветер округу родную
От бомбежек и бед стережет.

И поют, словно Ангелы, птицы,
И блещит в небесах синева.
Повезло на Руси мне родиться,
Где полей понимаю слова,

Где люблюсь травинкою каждой,
И деревья мне словно родня.
И собаки здесь лают отважно,
Всех котов без разбора вина.

Лучик солнца сидит на ладони.
Вновь куда-то бежит ребягня.
Русь Святая и край ты мой добрый,
Вы навек покорили меня!

* * *

Я вашей не ищу любви.
Вы суждены, увы, другому.
Поют хмельные соловьи
На ветках яблони у дома.

Так светел взгляд Ваш озорной!
Чисты улыбки очертанья.
И не одною мы тропой
Идем сквозь тайны мирозданья.

Пусть Ангел Вас хранит от бед.
Могло все статья по-иному.
Но Вы одна из тех комет,
Что мчит к созвездию другому.

* * *

Пахнет в городе пылью весна.
Стаял снег, не успев попрощаться.
Ночь упрямой несущкой снесла
Очертанье ушедшего счастья.

Бормотал угловатый трамвай
По дороге, петляющей сонно.
Мы разбили стеклянный январь
И посыпали прошлое солью.

Город в гриме сквозь окна мелькал.
Контролерша, как рыба, зевала.
Ждал меня одинокий вокзал
С суетою помпезного зала.

Брошу гривню бедняге-бомжу
И спущусь по ступенькам на площадь.
Провели мы с тобою между:
Город твой, а мои — луг и роща.

ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ

Льется Божья благодать
На родную землю.

Радость в сердце не унять.
Мир певуч и зелен.

Скоро встретим мы Христа!
Скоро Воскресенье!
Русь Святая, непроста
Тропка ко спасенью.

А пока в плену Поста
Приумолкнут страсти.
И у первого листа
Сладкий привкус счастья.

ПАСХА

Диптих

1

Разбудит мир краса небес
Воскресным утром.
Христос воскрес, Христос воскрес!
Прочь смерти путы!

Поют луга, поля и лес
На всю округу:
Христос воскрес, Христос воскрес,
Несут хоругви!

Притихло зло, низвержен бес,
Ликует правда!
Христос воскрес, Христос воскрес
Вселенной править!

2

Звонкий колокол принес
Весть с утра святую:
К нам идет, идет Христос!
Ангелы ликуют!

Куличи несет с Собой —
Освятить со всеми.
И народ за Ним гурьбой
Семенит к спасенью.

Храм наш радостно стоит.
Светятся корзины.
И луна звездой парит
В небе синем-синем!

Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

Серебряное Перо Руси Международного конкурса «Национальная литературная Премия Золотое Перо Руси — 2016», лауреат 5-го Международного конкурса детской литературы «Пегасик — 2013» (1 место в номинации «Разные жанры»), лауреат поэтической премии им. Алексея Маресьева. Член Союза брянских литераторов, Русского литературного клуба и Футурсобрания.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

«Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия»

И. С. Тургенев

ОБРУЧАЛЬНОЕ СКЕРЦО

(Рондо)

Пойдет ли в рост побег в раскрытом сердце? —
Во сне ли, наяву ли... Мне поверьте:
Какая прелесть тоненький росток —
Обживший сокровенный уголок
Мгновений, не подвластных страху смерти!

А черный ворон спрятался за дверцей,
Надежды урывая номерок.
Какой для счастья низкий потолок...

Пойдет ли в рост?

Подобно чуду в звездной круговерти
Живая страсть растопит свечи в церкви.
Смотрите! — В свой заоблачный чертог

Клубок несчастий ворон уволок...
Я подарю тебе мелодий нежных персик! —

Пойдет ли в рост?

АПРЕЛЬ

(Диагональный акростих)

Апрель — проказник и обманщик,
оПрава марта, пропуск в май,
миРов сиреневых шарманщик,
кудЕсник, страстный шалопай,
оскоЛком льда прирос к рассвету,
метелью странной канув в лету.

ЖЕМЧУЖНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ

Пробьются сквозь валежники
Росточками мечты
Жемчужные подснежники —
Молочные цветы.
Бутоны белоснежные
Домой не унесу! —
Не собирай подснежники:
Пускай растут в лесу!

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Трепетность вокала
Повторить нельзя! —
Свежестью ласкала
Музыка дождя.

В быстром темпе звонких
Луж сомкнулся круг!
Ветер, вырвав зонтик,
Кружит по двору.

Сонных капель танцы
Замедляют ритм.
Томное анданте
На душе царит.

...Гром с Олимпа грянул,
Солнцу дав сигнал! —
Даже дождик рьяный
Капать перестал...

ОСЕННИЙ КАПРИЗ

О/пять с утра дождит палитра,
о/К/ошко в осень приоткрыто,
ле/Т/ит, как в сказке, желтый лист.
нар/Я/д с деревьев снял магнитом
скор/Б/ящий ветреный каприз.
дождя /Р/асстроил безмятежность
октябр/Ь/ский гром — к зиме бесснежной!

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Я в крещенский вечерок
Буду беспристрастен:
Переступит кот порог
Левой лапкой — к счастью!

ПОЙ, МЕТЕЛЬ-МЕТЕЛИЦА

Колыбель отшельницы — нежный ореол.
Пой, Метель-Метелица, снежный произвол.
Каруселью — мельница. Видно, хмель прошел:
За Метель-Метелицей мчится Белый Волк...

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Наш постоянный автор.

*150-летию великого русского писателя
Максима Горького посвящается*

ИЗ КНИГИ «ПОД НЕБОМ УРАЛА»

* * *

На стыке Азии с Европой
Лежит седой Урал.
Не Одиссея Пенелопой
В веках он просиял.

Он был и есть могуч и светел,
В веках свой нрав ковал.
И, как давно Бажов заметил,
Он сказом, сказкой стал!

Народ здесь крепкий, словно горы,
Суровый, как зима,
И изумрудом светят взоры,
И горы — закрома!

Он стал опорой всей державы,
Опорой и стеной...
Урал великий, Урал бравый,
Урал мастеровой!

* * *

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Поля, хлеба и мокрое жнивье!
Мы столько трав в лугах ее косили,
Мы сердцем приросли к лесам ее!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Морей и рек великих караван.
Здесь горы — кладези, и здесь вития
Не гнет пред барами свой гордый стан!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
История безмерной глубины...
Здесь наши души тают в небе синем,
Здесь наши пращуры погребены!

* * *

По дороге Военно-грузинской
прошагали мы путь свой неблизкий.
Мы Казбек и Мцхету* видали,
Там душа поэта витала!

* * *

Тбилиси — теплая вода,
Тбилиси, ты со мной всегда,
как в годы юные мои,
когда певали соловьи;
когда ложился рдяный цвет
на храм из прошлых, давних лет,
когда читая «Мцыри»,
молилась дерзкой лире!

* * *

*Вот и Арпачай! Арпачай!
Наша граница! Это стоило Арарата.*
А. Пушкин «Путешествие в Арзрум»

Я шла на зов — в далекие края,
Пересекая горы, степи, скалы.
Рассыпала цветы кругом заря,
И Арарат звал. Этого не мало!

На трассе оставались корабли —
Бегущие фургоны, КраЗы, фуры.
Арагви говорила: «Не юли!
Ползи наверх и все рисуй с природы!»

Ползи наверх к могучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарей на небе!»
Кура кричала: «Я свое воздам!
Придет жара — забудешь ты о хлебе!»

Но вот мелькнул стрелою Арпачай**,
Глаза покрылись тонкой пеленою...
Встречай меня, мой друг, встречай, встречай!
За нашу встречу выпью я с тобою!

* Мцхета — древняя столица Грузии. В этих краях побывал великий поэт М. Ю. Лермонтов, написавший поэму «Мцыри». Действие поэмы разворачивается в храмах Мцхеты.

** Арпачай — приток реки Аракс. Протекает недалеко от горы Арарат.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

У Вечного огня, как на погосте,
Стоял старик, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: «Пройдены все версты,
Но не вернулся ты домой, Мифтах!
Как много близких здесь друзей, челнинцев,
Однополчан, которых я искал.
В войну нам небо становилось низким,
И гул снарядов битву предвещал.
И рвались в небо жаркие «Катюши»,
Пехота шла дорогою любой
За пядь родимой несравненной суши,
И не забыть мне тот кошмарный бой.
И вот я — здесь! Я — Виктор из Покрова,
Солдат Отчизны, взводный твой, Мифтах,
Которого прикрыл ты там, у Пскова,
В российских окровавленных снегах».

У Вечного огня, как на погосте,
Стоял старик, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: «Пройдены все версты,
Но память в сердце не умрет, Мифтах!
С тобою мы не даром защищали
Родимый дом и честь большой страны,
Чтобы потом здесь нашими сынами
Построен был наш Автоград — Челны!»

Евгений Асташкин
(г. Омск)

Автор пятнадцати книг, в числе которых: «Стробоскоп», «Ждут меня тополя», «Смертельное свидание», «Ненареченная», «Вне подозрений», «Заговор тиннов», «Солнечный зайчик», «Малолетка», «Пол-Коли». Дипломант областного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века» (2006).

ВЕТКА АКАЦИИ

Сорвали веточку акации,
Потусовались с ней часок
И обронили — нет в ней грации! —
На тротуарный солнцепек.
Уныло под шагами гулками
Ветвь умирала. Но она
Стреляла сохлыми «свистульками» —
Разбрасывала семена...

«ВОСКРЕСНЫЙ» ПАПА

Полузабытая площадка.
Бордюров тонкий поясок
Ее кольцует для порядка.
Копает детвора песок —
Свое богатство рассыпное.
И там, на предвечернем зное
Мой пятилетний колобок —
Моя дочурка... В отдаленье
Свою милашку огляжу
И поскорее ухожу
За дом — еще не воскресенье!..
Боюсь: дочурка разберет
Мои неслышимые речи
И кинется ко мне навстречу,
И под машину попадет...

ДУРМАН

Дурман уже расцвел у низкого окошка
И как-то озорно за стекла заглянул.
И увидел меня: был удивлен немножко,
Что нет на мне листвы,— наверное, стряхнул...

Он словно говорил: «Во мне не много толку.
Тобою пощажен, пока еще живу
Среди других цветов, предчувствуя прополку.
Я разве виноват, что сорняком слыву?..»

Дурман улыбкою дарил мне полдень летний,
И стало в комнате янтарно и светло.
Он стебель протянул к моей руке приветной.
Его я не пожал — мешало нам стекло...

«ИГРОК»

И я когда-то
Играл в футбол.
И виновато
Кричал я: «Гол!..»
В свои ворота...
Смеялся кто-то,
А наш вожак
Бежал за мною,
Вручал, не скрою,
«Медаль» — тумак...

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Калеки-города в пыли и саже.
На стенах — тени испаренных душ.
Разноголосья странная пропажа —
Во все концы безжизненная глушь.
В оврагах — поезда и электрички.
Леса — полубугленные спички.
Поверженные кряжи горных глыб.
Качаются на волнах сонмы рыб.
Пропыленный нещадно воздух рваный.
Безмолвия навек застывший миг.
И эти рукотворные туманы
Ползут с материка на материк...

* * *

Проповедник непрошенных истин,
Кто поверит, что ты бескорыстен?
Излечить своих ближних хотел —

Стал ваятелем призрачных дел.
Ни один твой совет не приложен
К прозе жизни. Ты был слишком сложен
В простоте своей без воровства.
В невесомость ронял ты слова.
Что за дело другим до раздумий?
Не пристало нам жить среди мумий.
И на каждую мудрость веков
От любого ответ уж готов:
«Сбрось ярмо этих вечных вопросов,
Предавайся веселью, философ!..»
Боже мой, если б кто-нибудь знал,
Сколько бисера ты разметал!..

* * *

Разгар обычной вечеринки —
День ангела справляет мать.
И старомодные пластинки
Уже мы устаем менять.
Тасуют гости юмор черный,
Рассевшись чинно по углам.
Сосед вальсирует проворный
С женой дородной, как и сам.
Потом зайдутся в пляске бурной.
А молодежь карикатурно
Изобразит кордебалет —
Смешны ведь ритмы прежних лет!..
Хозяйка лишь сидит печально,
Омонументив край стола,
И слушает мотив страдальный.
Всю жизнь надеялась, ждала
Она красивой, дивной доли.
Не повезло. Судьба в юдоли
Швырнула горстку светлых дней,
Чтоб тут же позабыть о ней.
И мать по жизни шла несмело,
Одна растила дочерей.
...Опять Шульженко вальс запела,
Сбивались пары между тем.
Лишь мать задумчиво сидела
Не приглашенная никем...

СИРЕНЬ

Цвети, моя сирень,—
Пусть ветер изменяет
И не тебя ласкает,
Пусть на тебя бросает

Забор густую тень.
Пусть птицы не щебечут
С твоих ветвей о встречах,—
Цвети, моя сирень!..

Цвети, моя сирень,—
Пусть утренник гнетуще
Тебя находит пуше.
Хочу тебя цветущей
Я видеть каждый день
Как утром звезды-точки,
Поблекнут эти строчки,
А ты цвети, сирень!..

ЯМБ

Возвышенная дивная тональность,
Плен откровенья, мудрости гранит.
Иль — в кружевах оскомная банальность,
Помпезности игривость и овальность.
О, пятистопный ямб, что всех манит!..
За лакмус признает тебя пиит:
Тобою подчеркнет он гениальность
Иль невзначай бездарность обнажит...

Елена Гусева
(г. Рязань)

Родилась в городке Касимов Рязанской области в 1976 г. Окончила факультет иностранных языков РГУ им. С. А. Есенина в 1998 г. Долгое время жила в г. Ухта республики Коми. Сейчас живу и работаю в Рязани, преподаю инъяз в РязГМУ. Писать стихи начала в отрочестве. В разное время посещала поэтические клубы Касимова и Ухты, пробовала печататься в местных газетах.

ВОКЗАЛ

Не изменив привычке старой,
Куплю заранее билет —
В субботу после третьей пары
Меня не жди, простыл мой след.

Сойду с троллейбусной подножки,
Поправлю сумку на плече
И затеряюсь в запыленной
Вокзальной пестрой толчее,

Где люди, словно в униформу,
Одеты в спешку, суету,
Где над запыленной платформой
Снег вьется, тая на лету.

Где в обогнавшем четкий график
Ночном автобусе, увы,
Нет ни имен, ни биографий —
Лишь параллельные миры,

Лишь тел случайное соседство,
Что память вряд ли сохранит.
Лишь номер транспортного средства,
И тот под слоем грязи скрыт.

АВТОБУС

Как врзалось в память: моя остановка — и вот он,
Автобусный улей, рязанский центральный вокзал.
Стареющий хит «It's my life» в сотый раз перемотан
И рвется в мороз из палатки торговой. И в зал,

От грузных баулов скривившись, бредут пассажиры
И маются, бедные, на деревянной скамье...
Но — объявление рейса, посадка, и цепкие шины
Печатают ромбы на тоненькой снежной кайме.

И вот уж сливается с ночью последний автобус,
Как чахлый декабрьский день устремляется вдаль.
Так было до нас и так будет: вращается глобус,
И оживают в душе древнерусская лень и печаль.

Дрожим от мороза — дождемся и таянья снега,
И грязных обочин, и брызг на стекле лобовом.
Ведь альфа — начало, конечная точка — омега,
Учи алфавит и не думай, что будет потом.

Ксеноновый конус — уверенный, ровный — фатально
Бежит впереди по асфальтовой ленте, и свет —
Он словно живой — дальноточкой включается дальний,
Когда путь свободен, и встречного транспорта нет.

Водитель-флегматик в дорогу припас пачку «Явы».
Одна сигарета, другая — сжимается срок
И этого рейса. Нет в мире сильнее отравы,
Чем знать: есть конец у любой, у любой из дорог.

С блестящей подножки безвольно шагну в непогоду,
И, отвернувшись от ветра, скупой подниму воротник,
Забуду шальную, наивную птицу-свободу
В салоне автобуса: слишком уж мал золотник.

Лишь чуткому сердцу сквозь мерно плывущие звуки
Откроется скрытый от гордого глаза подвох:
В потертом салоне, свидетеле горькой разлуки,
Иные в ловушке, а кто-то свободен, как бог.

ИДТИ

Когда слова, как струи дождевые,
Упруго хлещут в темя и виски,
Глазные склеры — донья жестяные —
Вибрируют и стонут от тоски.

Когда, вливая в сплетни и уловки,
Душа летит в отчаянном пике,
То хочется идти без остановки.
Без спутников. Без мыслей. Налегке.

Идти куда-то, пряча под одеждой
От словоизлияний оберег,
Идти и слушать ветер — без надежды
На быстрый исцеляющий эффект.

Идти, меняя долгий шаг на drobный,
Подхваченный в сезонной суете,
К такой желанной, неправдоподобной,
Увы, недостижимой простоте.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Шторы призрачная жуть —
Не забыться, не заснуть.
Странная затея это —
Белой ночью ждать рассвета.
Резкости дневной лишен
Переход из тона в тон.
Этот мир в полночной встрече
Так наивен и доверчив.
Откровение для глаз —
Видеть, словно в первый раз,
Как в парной белесой пене
Ночь раскладывает тени.
Вот бы сквозь капрона муть
Выпытать у мира суть
Мудрых черно-белых масок
В час триумфа серых красок.
Знаем точно только днем,
Кто мы и зачем живем,
И заснуть стремимся рано —
Прочь из вязкого тумана!
Почему ж всегда готов
Дух из сумеречных снов
Наслаждаться сладкой болью
От неясности цветов?..

ЖЕНСКОЕ

Память пальцам освежу —
Шарфик милому свяжу.
Склеится, не склеится —
Пусть мой милый греется.

За излишком не гонюсь:
Там, где голо, подстелюсь.
Разве я не умница?
Стерпится да слюбится.

Не брильянтов я хочу,
А того, что по плечу:
Редкой бабьей радости
Да уютной старости.

Только глупо чуда ждать:
Не свое — не удержать.
Склеилось? Не склеилось.
Незаметно и легко
Размотавшимся клубком
По ветру развеялось.

Игорь Егоров
(г. Омск)

Игорь Владимирович Егоров родился в 1951г. в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию управления. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Публиковался в коллективных сборниках и журналах.

«ПРИРОДЫ ГЛУБИННЫЙ СВЕТ...»

* * *

Нас еще встретят ветвями сосны
И рассветы травами росными.
По тропинке придем мы туда,
Где совсем не слышны поезда.
И вдохнем тишину с тихим лесом
Под искристым сосен навесом,
И услышим пичугу лесную,
И увидим в кустах козулю,
И проймет, излечит от бед
Нас природы глубинный свет...

* * *

Чайки взмывают, кружатся,
На ветер с воплем ложатся
Над вычерненной водой.
Как волны раскачивают
Их отраженья!
Как волны укачивают
Их отраженья!
Будто тревогу души самой!..

* * *

Солнце... Золото озерное.
И над золотом — камыш...
На приколе лодка сонная
Прорастает мачтой в тишь...

* * *

Глядишь — и осень на носу.
И чайки криком на мысу
Торопят непогоду.
И время, точно на весу,—
Сорвалось каплей в воду!..

* * *

С утра ветрюга, ненастье,
И чьи-то рыбацьи снасти
Грустнеют на берегу,
И памятью волны бегут...

* * *

День — отраженье неба —
Задумчив и высок...
Снежок, летящий слепо
На воду и песок...

И в одинокой дымке,
Над синью ивняка,
Лишь чайка-невидимка
Мелькнет издалека...

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

* * *

Осень, хмурая осень настала.
Отшумели густые леса.
По заголью листву разметало,
Смолкли с холодом птиц голоса.

Над лощиной, где легкая просинь,
Паутина, как луч на стекле,
Дышит блеском под пение сосен,
Словно памятью о тепле...

* * *

Редает лес, омытый тишиной.
Не дрогнет ветка, не прольется звук.
Лист потемнел, лежалый и сырой,
И дерн под ним, как зимний наст, упруг...

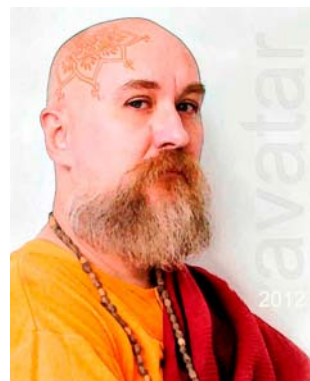
Уходит осень. Зреют холода.
Равнинам снится снежная печаль.
И неба синь сгорает без следа,
Но теплый свет еще тревожит даль!..

* * *

Вот и холод недвижимый, осенний,
Точно воздух, безветрен и пуст.
Все в природе намеком течений,
Отголоском — шаги или хруст...

И ложится листва на прощанье
На уже прибывающий снег,
И природа щедра на молчанье,
Как постигший себя человек...

Игорь Мальцев
(г. Нижний Новгород)

Нижегородский художник, поэт, дизайнер. Родился в поселке Амзя в 1964 г. Публикации — в журналах «Дирижабль» (Н. Новгород, С-Петербург, Москва), «Surrealist magazine» (США), «Spectrum» (Швейцария), альманахе «Золотой век» (Москва), газетах «Спекулятор», «Биржа», «Курс», «Губерния», постоянный ведущий авторской полосы «Подземка» в газете «Ленинская смена» (1994/1996 г.). Идеолог и один из создателей нижегородского культурного портала «НИС-Ревю» (2001 г.), далее — ведущий раздела литературы и поэзии.

* * *

Нарисуй мне слова
На песке, уходящем в прибой,—
Пусть прибрежные волны
Нам станут с тобой почтальоном.
Буду жадно я ждать
Твоих писем прогоркло-соленых,—
Их прилив и отлив,—
Как короткая встреча с тобой...
Между нами теперь
Эта пропасть потерянных слез,
Затаясь, как живая — ты слышишь?!
Размерно дышит...
Напиши мне слова...
И доверь их доставку волне,—
Адресуй мне любовь...
Кроме моря, никто не услышит.

* * *

Вот ты ушла... и пусто без тебя.
Мой дом затих с печальным тихим стоном.
Он стал другим, каким-то незнакомым.
Набитым пылью, гулким, будто Вось...
Кем ты была?! мы не разобрались...
Да, в общем, разобраться не пытались,—
Мы днем одним сегодняшним питались,
Его в любом склоняя падеже...
Ну вот и все, и кончилось уже...

А я брожу по комнатам пустым,
Ищу тебя, не находя, повсюду.
Я не могу понять или простить...
И не пойму, и никогда не буду
Мириться с тем, что так произошло.
Хотя, наверно, не могло иначе...
Что было, то и было... и прошло.
И непонятно, отчего я плачу?

* * *

Неутолима нить,
И сотни вариантов Бытия, —
Нанизаны, как счеты
Случайностей...
Слепых, по сути,
Которым безмятежность Судей
Дала названье Судеб.

Олег Пантюхин
(г. Щекино, Тульская область)

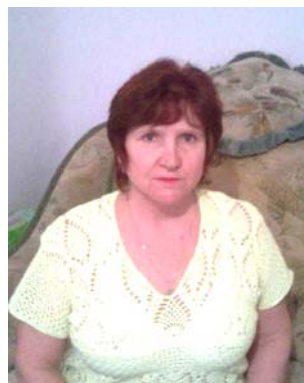
ВМЕСТЕ ТЫ И Я

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

День прекрасный, день весенний,
В комнате цветы.
После зимних сновидений
Вновь проснулась ты.
Улыбнулась и очнулась
От холодных снов.
И с души как-будто снежный
Скинула покров.
Я всем сердцем ощущаю
Нежное тепло.
Растопило все печали
И меня спасло.
Это сердце чаще бьется.
Из-под ног земля.
В небе снова светит солнце:
«Вместе ты и я...»
Тает снег и льда осколки.
Взгляд не отводи.
Все не важно. Важно только
Вместе нам идти.
Смотрит в окна марта вечер.
В комнате цветы.
Мы идем весне навстречу,
Вместе я и ты!

Ольга Заева
(г. Бийск)

Родилась в г. Карши (Узбекистан). Закончила три курса ТАШГУ. Стихи и проза публиковались в краевых периодических изданиях и за рубежом — журнал «Звезда Востока» (Узбекистан), «Современная литература мира» — Нью-Йорк. Автор пяти поэтических книг и книги прозы. Имеет краевые награды и Правления СПР за литературную деятельность, награждена Дипломом Берлинского литературного института за активное участие в совместных проектах. Лауреат Международного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 (Германия). Лауреат журнала «Огни над Бией» — 2014 года. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

* * *

Защита
От ненужных
Потрясений —
Сон разума.
Весьма удобен он.
Наркозу долгосрочному
Подобен,
Но не всегда бывает
«Во спасенье».
Когда фатальны
Пуля или плеть,
Во сне от них
Не страшно умереть.

* * *

Перемешался
Снег целомудренный
С грязной и грешной
Земною распутицей.
Осутился,
Размяк и устал.
Холод настал,
Чтобы заставить
Любить горячей.
Чтоб проявилась
Сила живая
Шагов и речей.
Снова пойму:

Под крылом снегопада:
Не застывают
Проталинки взглядов,
Не пропадают
Встреч полярны.
Снегом осыплет
Еловая лапа.
Смейся, живи!..

* * *

Накрыло город снегопадом.
Трепещем, пойманные в сеть.
Куда ни глянь — снега парадом.
Не одолеть.

От тихой белой суеты
Легко рождается дремота.
И, цепenea, неохота
Свои отстаивать мечты.

Все распадается во взвеси.
День воедино не собрать.
Печали ничего не весят.
И я легка, могу летать.

Летят события и вести.
Я пропадаю с ними вместе.

* * *

Дыханье сбилось, и время — мимо,
Как поезд, что без меня стучит.
Кроваво небо и так ранимо.
Но терпеливо — всегда молчит.

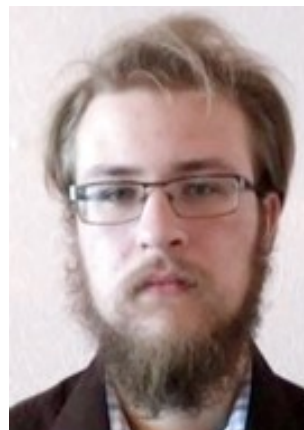
И жить я в спешке не успеваю.
Отходят люди, отходят дни.
И снова я остаюсь, живая,
И зажигаю свои огни.

Я для родных и чужих их теплою
И не кончается ритуал.
Теплом приманиваю не тех ли,
Кто сотни раз уже предавал?..

Забьется ветер, звезду качая.
А после бросит легко в траву.
И голос птицы ночной отчаян,
Как будто ночь не переживу.

Уже я смыслы искать устала,
Дыханье сбилось, в глазах темно...
И время — мимо. И жизни — мало.
Но неизменно горит окно.

Святослав Егельский
(г. Киев, Украина)

Егельский Святослав Дмитриевич родился в 1995 г. в Макеевке Донецкой области. Работал пианистом в ресторанах, концертмейстером в музыкальной школе и академии танца. В настоящее время — студент композиторского факультета Национальной музыкальной академии Украины. Ранее не публиковался. Живет в Киеве.

* * *

Клубится мгла над пальцами ветвей,
И не понять, какое время года,
И ни октябрь не теплится в листве,
Ни март не нарушает сна природы.

И все пути направлены в туман,
И все пути исходят из тумана,
И в серости смешались свет и тьма,
И красок в мире так ничтожно мало...

В следах — вода. И мокнут фонари,
Рассеянные в зернышках асфальта.
Полоске света из моей двери
Лишь на порог и достает охвата.

А во дворе ворочается клен,
И ветви по ночам стучатся в окна,
Мир пуст. Лишь деревьями населен,
Но и они в тумане одиноки.

* * *

К полуночи я вник в язык костра:
Сначала к звездам, а потом к рассвету
Возносится, собравшись в дым, кора,
Которой старая сосна была одета.

Рассеется, став воздухом, и вновь
С дождем вечерним ниспадет на землю:
Здесь все по кругу, будто в жилах кровь,
И кто исчез — тот просто станет всеми.

Сергей Спиридонов
(г. Тула, Россия)

Родился в 1965 г. в г. Кондрово Калужской области. Окончил в 1987 г. Полтавское высшее зенитное ракетное командное Краснознаменное училище. Служил в Вооруженных силах СССР на территории Украины. После увольнения с военной службы в 1992 г. переехал на родину и поступил служить в милицию. Работал в УВД Калужской и Тульской областей. В 1998 г. окончил Московский юридический институт МВД России. С 2011 г. полковник милиции в отставке. Председатель Совета ветеранов управления Госавтоинспекции Тульской области. Награжден государственными, правительственными, ведомственными и общественными наградами. Стихи пишет с юношеских лет. Член правления Тульского отделения Российского союза писателей, Член Интернационального Союза писателей. Автор четырех книг стихов.

* * *

Родиться нам позволено лишь раз,
И, к счастью, не бывает повторений.
Не тратьте время зря, оно для нас
Представило лишь лучшие мгновения.

Не красьте дни вы в серые тона,
Есть в радуге палитра ярких красок!
Жизнь, как гора,— дорога вверх трудна,
Посмотришь вниз — там все вокруг прекрасно!

РОССИЯ

Россия, милая Россия,
Сквозь занавес багряных зорь
Клин журавлей на небе синем
Излечит и печаль, и хворь.
Весною песней соловьиной
Окрасится прибрежный луг.
Березок танец, гроздь рябины
Вам скрасят будни и досуг.
Дожди бурлящим хороводом
Омоют кудри тех дубов,
Чей профиль, созданный природой,
Как русский дух — всегда суров!
Нарядной брошью за оконцем
В ночи — огромная луна,
А утром, лишь проглянет солнце,

Уйдет за горы спать она!
Как много странностей в природе:
Здесь каждый звук неповторим!
Веками при любой погоде
Мы Русь свою боготворим!
Слезами выпадают росы
И поят землю поутру,
Внезапные ночные грозы
Сменяют душную жару.
Янтарной медовухой льются
Сквозь толщу облаков — лучи!
И люди радостно смеются,
Тепло в подарок получив!
Поет трехрядная гармошка
Под балалайки перезвон.
Гостей развеселит матрешка,
Ее наряд не превзойден.
А в кабаках в извечной драке
Дымит вопрос: «Я прав, не прав?»
Бредут бездомные собаки,
Горн — морду на луну задрав.
Неистойвой лимонной дрожью
Зальются в августе поля...
Идешь пешком по бездорожью
И мыслишь: «Родина моя!
Как хорошо, что ты такая,
Безбрежная, как океан!
Не хватит жизни, дорогая,
Пройти тебя из края к краю,
Ни вскачь, ни с табором цыган!
Ни слов не хватит, ни метафор,
Изобразить твою красу,
Твои чудесные ландшафты,
И Волгу — девичью косу!»
И где бы ни был на чужбине,
Куда б меня не занесло, —
Всегда со мной моя Россия,
Ее духовное тепло!
Ее священное богатство —
Народ, велик и многолик!
Здесь многолетнее славянство!
Не прост могучий наш язык!
Не переманит нас Европа
И полосатый дядя Сэм!
Не понимают остолопы,
Не лучше нас они, — ничем!
Ни на какие их богатства
Не променяю купола!
Пусть не люблю я государство,
(В нем много врак и
разгильдяйства...)
Мне нравится моя страна!

А МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ К ТЕБЕ

Пусть ты исчезла в никуда,
Но мне ты видишься ночами,
Вся неприступна и горда
С едва прикрытыми плечами.
Веселых глаз весенний свет
Тебе дорогу освещает!
И может быть другой поэт
Тебя ночами посещает!
Ведь ты еще так молода,
А твой характер бесшабашен,
И без особого стыда
Ты осушаешь жизни чашу!
Моя душа сильней болит,
В сознание ветер, воеет вьюга.
И с отзвуком седых молитв,
Мы погибали друг без друга!
А мне так хочется к тебе,
Упасть листочком на колени,
Всегда быть рядышком в судьбе,
И ждать твоих прикосновений!

К 500 — ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

Пятьсот страниц в истории, как в книге,
Пятьсот картин размещены в веках.
Он пережил и войны, и интриги
Храня бывшее в каменных мешках!
Набег татар, Болотников в опале,
Петра шаги, Демидовская старь,
Лжедмитрий...
Самовар и Тульский пряник.
Страны дитя, но иногда бунтарь!
Его не мяти ноги иноземцев,
Не сокрушен, не сдался тихо в плен!
Он гордость и величье
В Тульском сердце,
Герой баллад и множества легенд.
Все козни времени,
Он выдержал достойно,
И вновь сияют златом купола,
На стройной возрожденной колокольне,
Играют гимн его колокола!
Ты с каждым годом и ценней, и краше,
Для Туляков тебя роднее нет!
Гордимся красотой Кремлевских башен!
Живи наш Кремль десятки сотен лет!

Юлия Юмакс
(г. Тула)

ВЕРА

Родилась в Туле. Два высших образования, выпускница ТГУ и РПА при Минюсте РФ. В 2017 году награждена дипломом лауреата 1 степени в V областном слете молодых литераторов, г. Тула. Член литературного объединения «Муза».

ЦВЕТОК МАРИИ

Я беременна воздухом, словно любила Бога.
И течет кислород в сердцевину мою с небес.
Я себя ощущаю приютом, святым острогом
Чистоты, что пока не коснулся земной прогресс.

Пропускает материя сонмы частиц нейтрино —
Неразгаданных писем вселенной густой поток.
Бог хотел подарить снова людям родного сына,
Говорил, что планете так нужен опять пророк.

Прикрывает глаза эмбрион пресвятой Марии
Сквозь порог оглушительных вспышек неясных мук.
Ослепляют прожекторы доктора в хирургии
И чертут монитор, как взбесившийся, тонкий круг.

Электрический ток, острый скальпель и крепость спирта —
Утешение горестей и забвенье грехов.
В нашем веке гуманном венцы мастераят из мирта
И терновые — больше не ранят святых голов.

На Голгофе давно нет крестов: объективы праздных
И паломников веры, которым она — как соль.
С миротворческой миссией гибнут богообразно
И в числе ветеранов проходят в раю контроль.

В барокамере спит недоношенная малютка.
Я — не в силах стерпеть, чтобы только скорей возьмочь,
Уплотнив кислород, разгоняя его по трубкам,
Белой лилией встретить рожденную Анной дочь.

ПРОСТИ МНЕ, ГОСПОДИ..

Прости мне, Господи, мои обиды
И прегрешенья юности моей.

За то, что не на тех имела виды,
Не берегла отпущенных мне дней.

Прости мои печали и тревоги.
За то, что шла не к тем и не туда.
И то, что выбирала я дороги
Кривые по ошибке иногда.

О, Господи, яви Свою мне милость —
Прости за то, что вряд ли изменюсь.
За то, что крайне редко я постилась
И что молитв не знаю наизусть.

Прости меня всем сердцем благосклонно
За то, что я прощения ищу,
Когда почти не верила иконам,
Священникам... и сына не крещу.

Я НЕСМЫШЛЕННОЕ ДИТЯ У БОГА...

Я несмышленное дитя у Бога.
Я трудный ученик его словес.
Но, знаю, освящается дорога
Заботливым посланником небес.

Отводит в сотый раз меня от края
Мой ласковый заплечный филантроп.
Ступает следом, в бедах не бросая,
Не избегая узких топких троп.

Незримый спутник, верный и усердный,
Не зная дней воскресных, выходных,
Уводит реки, укрепляет тверди,
От волосков хранит меня седых.

Большая удивительная птица —
Спокойна и таинственно мудра.
Не уставая о душе молиться,
Впускает свет надежды и добра.

Сон разума рождает, как у Гойи,
Чудовищ, но, давая окорот,
Мое существование земное
Спасает белых крыльев разворот.

ПУСТЬ ТОТ, КТО УШЕЛ — УПОКОИТСЯ С МИРОМ...

Пусть тот, кто ушел — упокоится с миром.
Душа устремилась в расщелины сна,
Где ангел встречает ее легкокрылый
В одеждах из светлого мягкого льна.

Молитвы прольются, и свечи заплачут,
В последней дороге коснувшись небес.

Корабль обретет свою новую мачту,
Бемоль зазвучит как высокий дизель.

Пусть тот, кто уходит, и кто остается —
Покой повстречают на трудном пути.
Подарит надежду луч яркого солнца,
И свет воскрешения боль утолит.

Отчаянье горькое тает незримо,
Где вечность раскрыла объятия для всех.
Душа на Земле беззащитно ранима,
Но сильною станет, поднявшись наверх.

Пусть память, как Библия — мудрая книга,
Хранит на страницах, что должно хранить.
И сердце, отчаявшись, греется мигом,
В котором завещано жить и любить.

И ДНЕСЬ Я СПЛЮ

Сплетают руки вечность и конечность.
И берега вздыхают о воде.
И днесь я сплю: глубоко, бессердечно.
А рядом Он — похожий на людей.

Темно, как в склепе, ничего не вижу.
Ни молока, ни хлеба не прошу.
В шкафах желтеют кружевные брызги.
Тускнеет непроложенный маршрут.

Вздыхает неродившийся ребенок,
Сиротство осознавший до поры.
Мироточит газета, как икона,
Где некролог, зачитанный навзрыд.

Парит орел над полем бледно-серым,
И крылья бьют высокие ветра.
А рядом Он — незримый — шепчет: веруй...
И отворяет присные врата.

Я БЫЛ РАСПЯТ

Я был распят. Сегодня я воскрес.
Но боль моя уменьшилась едва ли.
Вы, равно как и я, несли свой крест.
И, как и я, до срока умирали.

Растлили землю войны и содом,
И ненависть в сердцах к чужим и близким.
Чем брат был одержим, куда введом,
Раз судьбы взмыли в небо обелиском?

Кто всходы вечной жизни истреблял
И идеалы возводил до веры? —
Молчит, похолодев, мемориал
Героям чьих-то воли и химеры.

Секреты павших — доблестно хранят
Бескрайние поля, резные горы.
Я ныне пахарь. Вот моя стерня
И светлый плуг мой — на работу скорый.

Не для того сегодня я воскрес,
Чтоб снова на Голгофе быть распятым.
Но, как и прежде, я иду вразрез
Со всем, что губит дух и тело брата.

В ЧАС СИРОСТИ

В час сирости, похожей на недуг,
Ступай к реке, всмотришь в ее течение.
И растворится целый мир вокруг,
Даря больной душе отдохновение.

Сложи тревог не греющий доспех,
Откинь обид пылающие латы,
Отдай воде свой первородный грех
И слез окаменевшие караты.

Отринь себя былого и прими,
Не отделяя от всего живого.
И в единенье с Богом и людьми,
Не прерываясь, начинайся снова.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Когда б на свете не было чудес,
Мы б жили скучно и неинтересно.
И не встречали б принцев и принцесс
В местах давно исхоженных, известных.
Когда б на свете не было любви,
Ее мы никогда бы не искали.
И не будили б песней соловьи
В сердцах томящей сладостной печали.

Когда б на свете не было чудес,
Так никогда б на Пасху не звучало:
«Христос Воскрес!» — «Воистину Воскрес!»
И Жизнь не получила бы начала.

